

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

Парень
из нашего города

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин Симонов

Парень из нашего города

«ФТМ»

1941

Симонов К. М.

Парень из нашего города / К. М. Симонов — «ФТМ»,
1941 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

В историю отечественной культуры пьеса «Парень из нашего города» вошла благодаря ставшему киноклассикой одноименному фильму, снятому еще во время войны – в 1942 году, с Николаем Крючковым, органично воплотившем главную симоновскую идею о каждодневном, негромком мужестве. Менее известен, но не менее значим спектакль Марка Захарова 1977 года, с Виктором Проскуриным в роли танкиста Сергея Луконина и с легендарным Олегом Янковским во второстепенной роли брата невесты главного героя, Аркадия Бурмина, талантливого и успешного хирурга и, одновременно, до нелепости робкого человека в личной жизни. Спектакль Ленкома наглядно показывал, что предложенная Симоновым тема исследования истоков личного мужества человека совсем не устарела спустя 30 с лишним лет после войны. Главный вопрос пьесы – как же становятся героем? В конце пьесы, Сергею Луконину по заслугам и буквально присваивается звание Героя Советского Союза, но прежде всего, автора занимает становление такой личности, формирование героизма. Охваченный в пьесе временной отрезок, 1930–1940-е годы, на которые пришлась юность Луконина, насыщен историческими событиями: это и гражданская война в Испании, и бои на Халхин-Голе, и, конечно, герой с горящим сердцем, не смог остаться в стороне и принял участие в обоих войнах. В одном из своих откровенных разговоров с другом Аркадием он рефлексировал свой жизненный путь, и эта рефлексия выдает его романтическую натуру: «Я еще мальчишкой поехал первый раз от пионерской организации, потом меня посылал райком комсомола, потом райком партии, потом мне выдавали предписания со звездами на печатях: «Для выполнения возложенных на него особых заданий». Но почему-то всегда хотелось, чтобы там писали немного иначе: «Для выполнения возложенных на него особых надежд». Это лучше,

верно?» В финале пьесы, когда перед очередным сражением Луконин узнает о присуждении ему звезды Героя, он неловко прячет за пазуху газету с публикацией приказа о награждении и говорит фразу, давшую впоследствии название ключевому для творчества Симонова роману-трилогии «Живые и мертвые»: «Победу одни живые не делают. Ее пополам делают живые и мертвые».

© Симонов К. М., 1941

© ФТМ, 1941

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Картина первая	7
Картина вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Константин Симонов
Парень из нашего города
Пьеса в трех действиях,
девяти картинах

Действующие лица

Сергей Луконин.

Аркадий Бурмин.

Варя – его сестра.

Петька – их двоюродный брат.

Анна Ивановна – тетка Бурмина.

Женя – практикантка в клинике Бурмина.

Володя Гуляев.

Алексей Петрович Васнецов.

Гулиашвили.

Севастьянов.

Сафонов – шофер такси.

Полина Францевна Сюли – преподавательница иностранных языков в военной части.

Врач.

Помощник режиссера.

Командир роты.

Телефонист.

Связной.

Офицер.

Переводчик.

Командиры, танкисты, санитары.

Действие происходит в годы 1932–1939.

Действие первое

Картина первая

1932 год. Конец лета. Волжский город. Старая докторская квартира. Столовая. Двери во внутренние комнаты. Большое окно, за ним дерево. По нему видно, что это второй этаж. В глубине за круглым столом Анна Ивановна раскладывает пасьянс.

Анна Ивановна. Опять не сходится. К чему бы это? *(Задумывается.)*

В окне появляется голова Петьки.

Петька *(глядя вниз, тихо).* Нет ее. Только тетка.

Анна Ивановна поворачивается. Голова Петьки исчезает, а немедленно появляется голова Сергея.

Сергей. Анна Ивановна!

Анна Ивановна *(вздвигнув).* Да. Что вы? Вы с ума сошли! Вы упадете!

Сергей. Ничего. Я на пожарной лестнице. Анна Ивановна! Вари нет?

Анна Ивановна. Нет, нет еще. Слезьте, ради Бога!

Сергей. Ну, я потом зайду.

Анна Ивановна. Только уж, пожалуйста, с парадного.

Сергей. Хорошо. *(Скрывается.)*

Анна Ивановна *(задумчиво).* Увезет он Варвару. И глазом моргнуть не успеем. *(Смотрит на карты.)* Оттого и не сходится.

Входят Аркадий и Женя.

Аркадий. Здравствуйте, тетушка!

Женя. Анна Ивановна, здравствуйте!

Аркадий. Где наша сестра?

Анна Ивановна. Не пришла еще.

Аркадий. Где наш уважаемый двоюродный брат?

Анна Ивановна. Петя опять пропал с утра. Он берет пример с тебя. Мне это надоело. Три раза подогревала тебе обед.

Аркадий. Обед? Сейчас пообедаю. Хотя погодите, я ведь, кажется, уже обедал.

Анна Ивановна. Где ты обедал?

Аркадий. Вы не помните, где я обедал, Женечка?

Женя. Вы, Аркадий Андреевич, обедали в клинике. И я с вами обедала.

Аркадий. Верно. И я еще пиво опрокинул. *(Анне Ивановне.)* Оказывается, я обедал в клинике. Будем чай пить. Видите, Женечка, я вас не только подбирать препараты сюда вожу, а еще и чай пить. С вареньем. Вы любите варенье?

Женя. Да. Вы меня уже раз сорок спрашивали об этом.

Аркадий. Сорок раз? Вот видите, какой я заботливый. Тетя, дайте ей побольше варенья. В детстве все любят варенье.

Анна Ивановна. А сегодня были пельмени.

Аркадий. Были пельмени? Ужасно! Но я был занят.

Анна Ивановна. Меня это не интересует.

Аркадий. Вот видите, Женечка, меня в этом доме в грош не ставят ни тетя, ни сестра, и вообще никто. А я доцент. Ведь я доцент, Женечка?

Женя. Анна Ивановна, Аркадий Андреевич правда был занят. У него сегодня была очень трудная операция.

Анна Ивановна *(значительно).* А у меня тут была Любовь Сергеевна.

Аркадий. Все равно, тетя, я не женюсь на вашей Любови Сергеевне.

Анна Ивановна. И очень глупо сделаешь.

Аркадий. Может быть. Но жениться... Как, по-вашему, Женечка, жениться мне на Любови Сергеевне?

Женя. Не знаю.

Аркадий. Как мой практикант и друг, вы могли бы в такую трудную минуту дать мне совет.

Женя. Не знаю. Как хотите, Аркадий Андреевич.

Аркадий. Нет, не женюсь. Она слишком красивая. А я видите какой? Нос – и вообще. Выйдет замуж, а потом скажет: будь благодарен. Не хочу я ей быть благодарным. Не женюсь. Верно, Женечка?

Женя. Верно. Нос.

Аркадий. Что – нос?

Женя. Неважный у вас нос. Длинный.

Аркадий. Ну вот видите, тетя. Все против моей женитьбы. Даже Женечка.

Анна Ивановна. Ну, конечно, тебе чей угодно совет дороже моего. Ты бы еще у Сергея Ильича спросил совета.

Аркадий. А что вы так сердито? Опять Сережка что-нибудь натворил?

Анна Ивановна. Натворил? Нет, он просто сел вчера против Любови Сергеевны и спросил ее, зачем она сюда ходит, все равно он не разрешит тебе на ней жениться.

Аркадий. Так и сказал?

Анна Ивановна. Так и сказал.

Аркадий. Молодец! Вот что значит – друг!

Анна Ивановна. Я боюсь, что скоро этот твой друг увезет из этого дома твою сестру.

Аркадий. А что, разве есть какие-нибудь тревожные симптомы?

Анна Ивановна. Не знаю, может быть, у вас так принято. Сегодня, чтобы спросить, дома ли она, он забрался в окно. Теперь, чтобы сделать предложение, он, должно быть, влезет через трубу, а чтобы жениться, он просто разберет стену и увезет Варвару. Бог знает что!

Аркадий. А вы не делайте вид, что возмущены. В глубине души вам же все это нравится.

Анна Ивановна. Мне?

Аркадий. Вам. Вас же самих в тысяча восемьсот девяносто восьмом году, когда вы были актрисой, гусар через окно похитил. Не спорьте, сами рассказывали. Видите, я даже год запомнил. И Сережка вам нравится. Он вам напоминает того гусара. Ну вот, вы даже покраснели.

Анна Ивановна. Влезать в окно только для того, чтобы спросить, дома ли? Нет, я тревожусь за Варю.

Вбегает Варя.

Варя. Что тут говорят о Варе? Наверное, опять говорят, что она душечка, да?

Аркадий. Нет.

Варя. А что еще можно сказать о Варе?

Аркадий. Очень многое. Во-первых, что она ленивая девчонка и сегодня опять проспала и, наверно, опоздала в свой театральный техникум.

Варя. Да, но она так бежала.

Анна Ивановна. Во-вторых, что она сегодня опять не поздоровалась со своей теткой.

Варя. Я утром поздоровалась.

Анна Ивановна. Не заметила.

Варя. Когда вы еще спали.

Анна Ивановна. Когда я спала?

Варя. Нет, когда я спала... То есть... Ну, в общем, запуталась. *(С реверансом.)* Здравствуйте, тетя! Ну, в чем я еще виновата?

Женя. Я видела, как ты сегодня опять вела за собой по улице сразу четверых молодых людей. Один нес твой портфель, другой – косынку, третий – берет, четвертый – сумочку.

Анна Ивановна. Сразу четверо? Нехорошо!

Варя. Я не виновата, они сами шли. Я предпочла бы идти с одним.

Аркадий. А с кем, позвольте спросить?

Варя. С принцем. Как все хорошие девочки, я придумала себе принца. И очень люблю его.

Аркадий. Между прочим, этот твой принц сегодня влез в окно и спрашивал, дома ли ты.

Варя. Правда? Молодец! *(Спохватившись.)* Постойте, а о ком вы говорите, кто влез в окно?

Аркадий. Сережка.

Варя. А... А я думала – принц.

Пауза.

Тетя, а я вам что достала!

Анна Ивановна. Что?

Варя. Дюма. «Еще десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Здорово, а?

Анна Ивановна *(с деланным равнодушием).* Спасибо.

Варя. Тетя, не делайте при гостях вид, что вы больше любите Льва Толстого. Все же знают: Дюма, шпаги, плащи – это же ваша стихия.

Анна Ивановна. Вечно ты, Варвара... Где книга?

Варя. Нет, я сначала посажу вас в кресло, дам вам ваше пенсне, и тогда... «Еще десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». *(Делает воображаемый выпад и, взяв Анну Ивановну под руку, уводит ее в другую комнату. Через секунду возвращается.)* Вот что значит уметь обращаться с детьми. Теперь могу сообщить вам потрясающую новость.

Аркадий. Непременно потрясающую?

Варя. Непременно. Иван Григорьевич переходит в Москву в Малый театр, и знаешь, что он обещал? Он обещал зимой или весной меня и Зойку Петрову, как самых способных, перевести туда в театральное училище. Это будет великолепно. Варя соберет весь свой роскошный гардероб, а ее длинный брат понесет ее большой чемодан к московскому поезду. А через десять лет по городу развешат афиши – гастроли В. Бурминой или даже В. А. Бурминой. И все будут спрашивать, какая же она из себя, эта В. А. Бурмина, и вдруг увидят Варю...

Аркадий. Ты так радуешься, как будто уезжаешь завтра, а не через полгода.

Варя *(задумчиво).* Когда мне чего-нибудь очень хочется, мне всегда кажется, что это будет завтра. *(Прохаживается.)* Женька! У меня тут с Аркадием мужской разговор будет.

Женя. Хорошо, я сейчас уйду.

Аркадий. Женечка, вы пока достаньте препараты. Я сейчас тоже приду.

Женя выходит в кабинет.

Ну, что за страшную тайну ты имеешь мне сообщить?

Варя *(обнимает его).* Аркаша, я его так люблю. Тебе больно, да?

Аркадий *(с трудом поводя шеей).* Нет, ничего. Если я выживу, то потом расскажу ему, как ты его любишь.

Варя. А все-таки мне хочется ехать учиться в Москву, в театр, даже если он не поедет. Значит, я его не люблю?

Аркадий. Нет. Это просто значит, что ты становишься большой, Варька! Если веришь в себя, надо ехать в Москву и ни о чем не думать и не жалеть.

Варя. Мне очень хочется объяснить это Сереже, но я боюсь, что вдруг он не поймет и обидится.

Аркадий. Поймет. И потом, если он тебя и вправду любит, ты можешь уезжать хоть за тридевять земель, расставаться хоть на пять лет, он все равно до тебя доберется.

Варя. Вечно ты его хвалишь. Если бы мы жили на Востоке, ты бы уже давно ему меня в жены продал!

Аркадий. Конечно. Я и так удивляюсь: что он тебя не увозит? Нанял бы карету, а ты бы связала простыни и к нему вниз через окно. И венчаться. А я бы, как брат, в погоню. Но только так, для виду, догонять бы не стал: шут с вами, венчайтесь. *(Уходит в кабинет.)*

Стук в дверь. Входит Володя Гуляев.

Варя. А, Володенька!

Володя. Здравствуй.

Варя. Что ты? Ты же собирался зайти завтра?

Володя. Да, но видишь ли... Я хотел с тобой поговорить.

Варя. О чем?

Володя. О Сергее. Только ты можешь на него повлиять. Он сегодня опять черт знает что натворил в институте.

Варя. Опять?

Володя. Да. И на этот раз его собираются выгнать.

Варя. Что же он сделал?

Володя. Ну, он, как всегда, конечно, считает, что ничего особенного.

Варя. Ну, а все-таки?

Володя. Его послали для практики читать литературу в девятую группу. Ну, он один час почитал им о Достоевском, а в начале второго вдруг сказал: «Знаете что, ребята? Достоевский, конечно, гениальный писатель, но лично я его не люблю. Поговорили о нем – и хватит. Пойдемте лучше до перемены в волейбол погоняем. Только никому ни звука!»

Варя. Ну?

Володя. Ну и гоняли до перемены. Потом, конечно, все узнали. Ты скажи ему, а то ведь этому просто конца нет. Его выгонят – и все.

Варя. Да, я скажу. Ну, что еще?

Пауза.

Володя. Я шел мимо кино. Там идет новый, звуковой фильм «Путевка в жизнь». Я взял билеты.

Варя. Что-то не хочется, Володенька...

Володя. Почему?

Стук в дверь. Входит Сергей.

Сергей *(подойдя к Варя).* Здравствуй, Варя. *(Смотрит на Володю, потом медленно подходит к нему и говорит что-то на ухо.)*

Володя отрицательно качает головой.

Варя. Что ты ему сказал?

Сергей. Так, ничего, пустяки. *(Опять что-то шепчет на ухо Володе.)*

Володя, покраснев, снова отрицательно качает головой.

Варя. Сейчас же скажи, что ты там шепчешь?

Сергей. Я хотел ему тихо, а он... В общем, я ему говорю, чтоб он шел. Чего он тут сидит?

Варя. С ума ты сошел, уходи сейчас же!

Сергей. Видишь, говорят тебе – уходи, ну и уходи!

Варя. Я не ему.

Сергей. Ему, ему. Ну, что же ты, иди, иди, потом объяснимся. *(Решительно выпроводив Володю за дверь, возвращается.)*

Варя. Сейчас же убирайся вон, я не позволю, чтоб у меня дома...

Сергей. Чего ты не позволишь? Ты что, хочешь, чтоб он тут сидел? Так я сейчас побегу, верну его. Только правда хочешь?

Варя *(нерешительно)*. Нет...

Сергей. Ну так в чем же дело? Я его уже три раза предупреждал, чтоб не ходил. Нечего ему тут делать. Что он, в самом деле, ходит?

Варя. Дружит со мной – вот и ходит.

Сергей. Дружит? Это он только так из трусости говорит. А на самом деле ухаживает за тобой. Да, да.

Варя. Но ведь ты тоже ходишь?

Сергей. Я? Я – другое дело. Я так прямо и говорю, что ухаживаю, а потом возьму и женюсь.

Варя *(растерянно)*. То есть как это? Возьмешь и женишься? А я вот возьму и не пойду за тебя замуж.

Сергей. А я подожду.

Варя. А я и потом все равно не выйду.

Сергей. А я еще подожду.

Варя. Никогда не выйду.

Сергей. Выйдешь.

Пауза.

Я тебя знаешь как люблю? Я для тебя что угодно могу сделать. Даже глупость. Хочешь, сейчас со второго этажа прыгну?

Варя. Нет, не хочу.

Сергей. Жаль, а то бы прыгнул.

Варя. Вечный ты хвастун. Женюсь, прыгну!

Сергей. Хвастун? Ну что ж, пожалуй, верно. *(Подходит к окну.)* До скорого свидания. *(Помахав рукой, прыгает.)*

Варя *(подбегает к окну)*. Сумасшедший! *(Смотрит в окно, потом быстро идет к двери.)*

В дверях появляется Сергей.

Сейчас же убирайся вон отсюда. Сумасшедший.

Пауза.

Ты не ушибся?

Сергей. Нет. Во-первых, не так уж высоко. А во-вторых, две недели предварительной тренировки тоже что-нибудь да значат.

Пауза.

Ничего, не бойся, каждый день не буду прыгать. Скоро уеду.

Варя. Куда уедешь?

Сергей. Куда? Ну, ладно, семь бед – один ответ. На, читай. *(Протягивает ей бумажку.)*

Варя *(читая)*. Танковая школа. Омск... Ой, как, далеко. Сережа, зачем, когда ты это решил?

Сергей. Давно, Варенька, еще месяц назад.

Варя. И все время молчал!

Сергей. Так я же не знал, примут ли. Опять бы вы все кричали, что я хвастаюсь.

Варя. Но тебе еще не скоро ехать, да?

Сергей. Завтра.

Варя. А как же я? (*Спохватившись.*) Так вдруг и так далеко... Ты же говорил... Как же ты можешь...

Сергей. Могу, Варенька. И уехать могу, и потом приехать за тобой, увезти тебя к себе. Все могу.

Варя. Сережа...

Сергей. Что?

Варя. Останься.

Сергей. Нет. Поеду. Я давно этого хочу.

Варя. Мне трудно здесь будет без тебя.

Сергей. Хорошо.

Варя. Что ж хорошего?

Сергей. Хорошо, что трудно, – значит, любишь меня.

Варя. Уезжай куда хочешь. Мне все равно. Я тоже уеду.

Сергей. Куда?

Варя. В Москву. В театр... учиться. Уеду и думать о тебе забуду!

Сергей. Значит, в Москву? Ну, что ж, кончу школу и приеду за тобой в Москву.

Варя. Никуда ты не приедешь.

Сергей. Приеду. Приеду и увезу тебя.

Варя. Сережа, уйди, скорей уйди, а то я в тебя чем-нибудь брошу.

Сергей. Бросай, все равно приеду и увезу.

Варя. Сейчас же уходи, слышишь? Или ты завтра никуда не едешь, или сейчас же отсюда уходишь.

Сергей. Все наоборот. Завтра я уеду, а сейчас не уйду.

Варя. Ну, так я уйду. (*Выбегает в наружную дверь.*)

Сергей (*кричит ей вдогонку*). Варя! (*Снова садится в кресло.*)

Вбегает Петька.

Петька. Что с Варькой? Она, как ненормальная, прямо по перилам, чуть меня не сшибла.

Сергей (*после паузы*). Где у вас бумага и конверты? Быстро.

Петька, порывшись на этажерке, подает бумагу и конверт. Сергей, присев к столу, пишет.

Петька. Что, поссорились?

Сергей кивает.

А ты когда едешь, завтра?

Сергей кивает.

Здорово!

Сергей. Как ты думаешь, придет она меня проводить, а?

Петька. Придет! Покажи бумажку.

Сергей протягивает бумажку.

Здорово. Печать со звездой. Это всегда так, печать со звездой?

Сергей. Да.

Петька. А на сколько едешь?

Сергей. На два года.

Петька. А потом?

Сергей. Командиром буду.

Петька. А чего командиром?

Сергей. Бригады.

Петька. Сразу бригады?

Сергей. Ну, не сразу. Но скоро.

Петька. А как же Варя?

Сергей. Кончу школу, приеду и женюсь.

Петька. А она вдруг возьмет и тут за другого выйдет?

Сергей. Не выйдет.

Петька. А если тут к ней опять Володька Гуляев ходить будет, мы с ребятами ему ноги переломаем. Ты только слово скажи.

Сергей. Не надо. Сама прогонит.

Петька. А если не прогонит, мы переломаем, ладно?

Сергей (*улыбнувшись*). Ладно. Вот что. (*Вкладывает листок в конверт.*) Если завтра я Варю не увижу, в общем, если она не придет меня проводить, ты ей это послезавтра отдай. Понял?

Петька. Понял. А ты запечатать-то забыл?

Сергей. Это принято так, не запечатывать. Правило хорошего тона. Значит, доверяешь тому, кто письмо передает – и не запечатано, а все равно не прочтет. А если прочтешь – убью, понял?

Петька. Понял.

Пауза.

А ты еще не уходишь?

Сергей. Нет еще. А что?

Петька. Так просто спросил.

Сергей. Насколько я понимаю, господина дипломата интересует мой велосипед. Он стоит в передней. В вашем распоряжении есть десять минут.

Петька. Я только три круга по двору. (*Исчезает.*)

Сергей (*сидит задумчиво, потом подходит к двери кабинета, стучит и приоткрывает дверь*). Аркаша! На минутку.

Входит Аркадий.

Аркадий. Ну, что слышно?

Сергей. Получил. Завтра еду.

Аркадий. Значит, это уже не тайна. Целый месяц хранил ее честно и притом бесплатно. Цени меня!

Сергей. Ценю. Хотя, судя по сегодняшнему, кажется, лучше было сказать ей это заранее. Она тут мне такое устроила...

Аркадий. Кстати, где она?

Сергей. Убежала.

Аркадий. Ей-богу, хоть бы увез ты ее с собой. И тебе хорошо, и мне легче.

Сергей. Она мне тут наговорила... Ничего, Аркаша, не горюй, еще увезу когда-нибудь.

Пауза.

Ну, вот я и уезжаю. Да, все хорошо. Только время, время...

Аркадий. Что – время?

Сергей. Уходит. Двадцать два года – не шутка! «Товарищ Луконин, в порядке комсомольской дисциплины. Стране нужны педагоги!» Дисциплина дисциплиной, а в институт пошел все-таки зря. Не повезло. Двадцать два, а к тридцати человек – или уже человек, или нет. Одно из двух. Суворов, знаешь, к тридцати годам кем был? Хотя нет, Суворов как раз нет, он к тридцати годам даже полковником не был. Но это не важно, он не был, а я буду.

Аркадий. Опять хвастаешься?

Сергей. Нет. Просто верю. Знаешь, Аркаша, когда на параде знамена проносят, красные, обожженные, пулями простреленные, у меня слезы к горлу подступают. Мне тогда кажется, что за этими знаменами можно всю землю пройти и нигде не остановиться.

Пауза.

Говорят, многие мечтают на родине умереть, а я нет. Я, если придется, хотел бы на чужой земле, чтоб люди на своем языке – на китайском, на французском, испанском, на каком там будет, – сказали: «Вот русский парень, он умер за нашу свободу». И спели бы не похоронный марш, а «Интернационал». Он на всех языках одинаково поется.

Пауза.

Ты только не смейся, Аркаша. Я понимаю, – конечно, смешно. Еще формы не надел, а уже и полководец, и если погибну...

Аркадий. Я не смеюсь. Я верю. Только боюсь, что трудно тебе будет в армии.

Сергей. Почему?

Аркадий. Так. Школьные воспоминания. Нелепый ты человек. По старой привычке натворишь там бог знает чего, а ведь в армии этого не прощают.

Сергей. В армии... Нет, в армии я... В общем, увидишь!

Аркадий. Ну, что же, тем лучше. Когда поезд, вечером?

Сергей. Вечером. Придешь?

Аркадий. Конечно.

Пауза.

Придем, придем, помирю вас еще раз, так и быть.

Сергей. Думаешь, придет?

Аркадий. Думаю? Я все-таки как-никак старший брат.

Входит Варя.

Варя. Ты еще здесь? Уходи сейчас же, или я опять уйду.

Сергей (*молча поглядев на нее*). До свидания, Аркаша. Значит, завтра. (*Остановившись в дверях, Варя.*) Завтра проводить придешь, два года ждать будешь, а потом замуж за меня выйдешь, а иначе...

Варя (*резко*). Что иначе?

Сергей. А иначе... Очень плохо мне будет жить, Варя. Не делай иначе. (*Быстро выходит.*)

Занавес

Картина вторая

*Через два года. Осенние маневры в танковой школе. Задняя стена избы. Палисадник, завалинка. Начальник танковой школы **Васнецов**, командир роты и курсант **Гулиашвили**, все в кожанках, в походном снаряжении.*

Васнецов. Значит, вы приказали искать брод, а Луконин повел машину напрямик, через мостик, в результате чего произошла авария?

Командир. Да, я приказал искать брод, потому что считаю, товарищ начальник школы, что такие временные мостики непригодны для прохода танков.

Васнецов. Ну, я этого, положим, не считаю. Но, так или иначе, вы ясно и четко приказали искать брод?

Командир. Да, точно.

Васнецов. Кто видел, как это произошло?

Командир. Вот, вызван курсант Гулиашвили.

Васнецов. А Луконина вызвали?

Командир. Да, сейчас явится.

Васнецов. Ну, расскажите, Гулиашвили. Вы видели?

Гулиашвили. Да, товарищ начальник школы. Луконин повел головной танк через мостик у мельницы. Мост обрушился. Глубина два с половиной метра. Луконин и башенный стрелок выскочили, а механик-водитель... Я считаю, товарищ начальник школы, что если бы не Луконин, то водитель погиб бы.

Командир. Если бы не Луконин, то водитель вообще бы не попал в воду.

Васнецов. Подождите. (*Гулиашвили.*) Почему водитель мог погибнуть?

Гулиашвили. Он внизу захлебнулся. Луконин три раза нырял с опасностью для жизни. Открыл люк и вытащил водителя. Я думаю, товарищ начальник школы, что это подвиг, если человек может такое сделать... Я очень прошу, товарищ начальник школы, чтобы вы учли это...

Васнецов. Товарищ Гулиашвили...

Гулиашвили. Я не могу не просить за друга... Вы извините, товарищ начальник школы.

Васнецов. Товарищ Гулиашвили! Мы с вами не в семилетке, а в военной школе. Я вас вызвал не для того, чтобы вы друзей выгораживали. Понятно вам это?

Гулиашвили. Понятно, товарищ начальник школы.

Васнецов. Что вы еще можете рассказать?

Гулиашвили. Ничего, товарищ начальник школы, я только хотел вам сказать, что такой человек, который с риском для жизни...

Васнецов (*безнадежно махнув рукой, прерывает его*). Вы свободны. Можете идти, отдыхайте.

*Гулиашвили выходит и, встретившись по дороге с **Сергеем**, делает ему ободряющий жест.*

Сергей (*в кожанке, в туго нахлобученном шлеме*). Явился по вашему приказанию, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы получили от командира роты приказ искать брод?

Сергей. Да, товарищ начальник школы.

Васнецов. Вы его выполнили?

Сергей. Нет, товарищ начальник, школы.

Васнецов. А вы знаете, что маневры – это почти война?

Сергей. Да, знаю.

Васнецов. За невыполнение приказа двадцать суток ареста. В шесть здесь будет адъютант, явитесь к нему, скажете, что я приказал отправить вас на машине в город на гауптвахту! Повторите.

Сергей. Явиться к адъютанту, передать, что вы приказали отправить меня на гауптвахту. Разрешите идти?

Васнецов. Нет. Теперь объясните, почему вы не выполнили приказа?

Сергей. Я думал, товарищ начальник школы, что маневры – это почти война, а если бы я искал брод, как приказал товарищ командир, то я бы не успел выполнить задачу. Я считаю, что легкие танки могут на большой скорости проскакивать такие мосты.

Васнецов. Может быть, но раньше надо было проверить, попробовать.

Сергей. Я много раз просил об этом товарища командира, но он не разрешал. *(Пошатнувшись.)* Я решил на свой страх.

Васнецов. Что с вами?

Сергей. Ничего, товарищ начальник школы. Волнуюсь. Не рассчитал, не выдержал мост.

Васнецов *(командиру)*. Пойдите скажите, чтобы, мне подали машину, – поеду посмотрю.

Командир. Есть. *(Уходит.)*

Васнецов. Ну, что еще можете сказать?

Сергей. Все, товарищ начальник школы.

Васнецов. А почему вы не говорите, как спасли водителя?

Сергей. Я считаю, что это не относится к делу.

Васнецов. Ну, а как все-таки вы его спасали?

Сергей. Сказать по правде, здорово спасал.

Васнецов. Ко всему еще и хвастаетесь!

Сергей. Я не хвастаюсь, товарищ начальник школы. Так и было. Я первый пловец по всей Волге; если бы не это, никогда бы его не спас. Очень трудно. Люк тяжелый. Три раза нырял. *(Опять пошатнувшись.)* Могу идти?

Пауза.

Васнецов. Слушайте, Луконин, вы все-таки понимаете, что вы наделали?

Сергей. Понимаю.

Васнецов. Нет, не понимаете. Если вам показалось, что ваш прямой начальник поступает неверно, боится выжать из танка все, что из него можно выжать, вы должны были подать рапорт мне, и я бы с вами сам попробовал – могут проходить наши танки по таким мостам или не могут.

Сергей. Могут.

Васнецов. Я тоже думаю, что если все рассчитать, то могут. Но это вас никак не оправдывает.

Сергей. А я не оправдываюсь.

Васнецов. А теперь что я должен: под суд вас отдать, поставить вопрос о вашем пребывании в партии? Вы вели себя как мальчишка. Угробили машину. Чуть не убили людей. Новаторство в нашем деле связано с кровью, зарубите себе это на носу. Тут не место для мальчишеских выходок.

Сергей *(глухо)*. Товарищ начальник школы!

Васнецов. Ну?

Сергей. Я вас очень прошу... Я даже не могу подумать о том, чтобы... Армия для меня – это все. Вся жизнь. Я знаю, я виноват во всем, но если мне будет позволено, я докажу, что это случайность, сто раз рассчитаю и докажу, что танки могут все. У нас даже

еще не понимают, что они могут делать! Все. Я не за себя прошу, это очень важно. Потом делайте со мной, что хотите, хоть под суд. Только позвольте мне доказать.

Васнецов (*задумчиво*). Не знаю, что с вами делать.

Входит командир.

Командир. Машина готова.

Васнецов. Сейчас. Идите.

Командир уходит.

И это перед самым выпуском из школы... Мне будет очень жаль, если придется вас отчислить. (*Встает.*) Но боюсь, что все-таки придется... (*Уходит.*)

Сергей в изнеможении опускается на завалинку. Стаскивает шлем и сжимает руками голову. Голова у него забинтована, сквозь бинт проступают пятна крови. Тихо входит Гулиашвили.

Гулиашвили. Что, дорогой, плохо?

Молчание.

Что с тобой, дорогой?

Сергей (*с трудом подняв голову*). Это ничего, пройдет. А вот все остальное плохо, Вано, очень плохо.

Гулиашвили. Что, все объяснил начальнику?

Сергей. Все. Почти все. Ты понимаешь, какая глупость. Ведь прошел бы танк. Он не потому рухнул, что мост не выдержал, а потому, что застрял посреди моста, бензинопровод засорился. Чертов сын водитель, три раза его спрашивал: «Проверил?» – «Проверил». Убить его мало за это.

Гулиашвили. Объяснил начальнику?

Сергей. Нет.

Гулиашвили. Водителя пожалел?

Сергей. Пожалел? Я жалею, что из воды его вытащил. Что его жалеть... Я ему такое устрою, когда с гауптвахты выйду. А начальнику – что ж говорить? «Я не виноват – водитель виноват!» А я где был? Где я был, когда сто раз самому надо было проверить?

Пауза.

А танки все равно еще будут через такие мосты перелетать и через рвы будут прыгать. Все будут делать. Только вот я этого, пожалуй, не увижу.

Гулиашвили. Почему, дорогой?

Сергей. А потому, что выгонят меня из армии, вот почему.

Молчание.

Тридцать три несчастья у меня сегодня, Вано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.